

Иван Алексеевич Бунин

Благосклонное участие

Бунин Иван Алексеевич

Благосклонное участие

И. А. Бунин

Благосклонное участие

В Москве, - ну, скажем, на Молчановке, - живет "бывшая артистка императорских театров". Одинока, очень не молода, широко-скула, жилиста. Дает уроки пения. И вот что происходит с ней каждый год в декабре.

Однажды в воскресенье, - положим, в очень морозное, солнечное утро, - раздается в ее передней звонок.

- Аннушка! Звонят! - испуганно кричит она из спальни кухарке.

Кухарка бежит отворять - и даже отступит: так блестящи, нарядны гости - две барышни в - мехах и белых перчатках и франт студент, их сопровождающий, насквозь промерзший в своей легкой шинельке и тонких ботинках.

Гости Долго ждут в холодной гостиной, янтарно озаренной сквозь морозные узоры окон, затем слышат быстрые шаги хозяйки и поспешно встают ей навстречу. Она очень взволнованна, - знает, в чем дело, - густо напудрила лицо, надушила крупные костлявые руки...

- Ради бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать, - с очаровательной улыбкой и самой светской непринужденностью говорит она, быстро входя и с трудом преодолевая сердцебиение.

- Это вы нас простите за беспокойство, - с отменной почтительностью перебивает ее студент, кланяясь и целуя ее руку. - Являемся к вам с усердной и покорнейшей просьбой. Комитет по устройству традиционного литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных воспитанников пятой московской гимназии возложил на нас честь ходатайствовать перед вами о вашем благосклонном участии в этом вечере, имеющем быть на третий день рождественских праздников.

- Господа, если можно, увольте! - очаровательно начинает она. - Дело в том...

Но барышни нападают на нее так дружно, горячо и лестно, что она не успевает сделать даже этой слабой попытки отказаться, уклониться...

После того проходит целых три недели.

И целых три недели Москва работает, тор-

гует, веселится, но, среди всех своих самых разнообразных дел, интересов и развлечений, втайне живет только одним - ожиданием знаменательного вечера двадцать седьмого декабря. Великое множество афиш всех цветов и размеров пестрит на всех ее улицах и перекрестках: "На дне", "Синяя птица", "Три сестры", Шаляпин в "Русалке", Собинов в "Снегурочке", Шор, Крейн и Эрлих, опера Зимина, вечер Игоря Северянина... Но теперь всякому бьет в глаза только та маленькая зеленая афиша, на которой крупно напечатаны имя, отчество и фамилия благосклонной участницы литературно-вокально-музыкального вечера в пользу недостаточных учеников пятой московской гимназии. А сама участница безвыходно сидит в это время дома и работает не покладая рук, дабы не обмануть ожиданий Москвы, - без конца выбирает, что петь, с утра до вечера пробует голос, разучивает то то, то другое... Дни идут теперь необыкновенно быстро, и эта быстрота уже приводит её в ужас: и оглянуться не успеешь, как настанет это страшное двадцать седьмое декабря!

Она прекратила давать уроки, никого не

принимает и сама не выходит из дому, боясь схватить бронхит, насморк. С чем именно выступить? Публика и не подозревает, как трудно решение этого вопроса даже для опытного артиста! Какое нужно проявить тут чутье, сколько вкуса, такта, опыта! После долгих и мучительных сомнений, колебаний, дело, однако, кончается тем, что она останавливается на своем старом, неизменном репертуаре, - снова проходит три вещи: одну французскую, нежную и грустную, чарующую, как колыбельная песня, где, впрочем, скрыта огромная страсть, сила и боль любящей женской души, безумно жаждущей счастья и жертвенно от этого счастья отрекающейся; другую - полную блеска колоратуры и русской удалы; и затем - свою коронную: "Я б тебя поцеловала, да боюсь, увидит месяц", которой, как всегда, можно блеснуть особенно, дать ее "с огоньком", игриво, молодо и оборвать на таком отчаянно-высоком и ликующем звуке, чтобы весь зал дрогнул от рукоплесканий. Кроме того, она готовит двенадцать вещей на бис... Дни мелькают, мелькают, и в душе у нее уже растет такое чувство,

точно близится час ее казни. Однако она работает, работает. И вот настает, наконец, этот последний, роковой день!

Утром двадцать седьмого декабря все силы ее доведены до предельного напряжения. Утром еще одна репетиция, но уже последняя, генеральная. Она поет уже как бы на эстраде: полным голосом, со всей выразительностью художественности, проходит с аккомпаниатором всю свою программу - и чувствует: работа не пропала даром! Но кто все-таки знает, что ждет ее вечером? Триумф или гибель? Лицо ее пылает, руки как лед... После репетиции она идет в свою спальню, раздевается и ложится в постель. Аннушка приносит ей нечто совершенно необычное - зернистой икры, холодного цыпленка и портвейну: так, в день выступления, завтракают все большие артистки. Покушав, она велит задернуть шторы, уйти и хранить в доме полнейшую тишину, а сама закрывает глаза и, в темноте, без единого движения, лежит, стараясь ни о чем не думать, ничем не волноваться, час, другой, третий - вплоть до шести часов вечера. В шесть вскакивает: резкий звонок в передней

парикмахер!

С бьющимся сердцем, с пылающими ушами и скулами, накапывает она себе ледяной рукой целых сорок капель эфирно-валерьяновой микстуры и, в халатике, с распущенными волосами, как дева, которую пришли убирать, готовить на заклятие, садится перед зеркалом. Парикмахер входит, предварительно согревши руки над плитой в кухне, и говорит ободряюще:

- Чудная погода! Изрядный морозец, но чудно!

Он работает изысканно и медленно, чувствуя и себя участником предстоящего события, вполне понимая и разделяя ее артистическое волнение, будучи и сам натурой артистической. Он своими небрежно-легкими разговорами, шутками и вообще всей своей опытностью в таких делах, равно как и твердой верой в ее предстоящий успех, мало-помалу успокаивает ее, возвращает ей силы, мужество, надежды... Но когда он кончает свое дело и, осмотрев его со всех сторон, убеждается, что лучше уже ничего нельзя сделать из этой великолепной завивки и прически, уxo-

дит, а часы в столовой медленно бьют семь, у нее опять начинает замирать сердце: в восемь с половиной за ней явятся!

Затем бьет восемь, а она все еще не готова. Она опять пила капли, - на этот раз гофманские, - она надевает свое лучшее белье, румянится, пудрится... В восемь же с половиной раздается новый звонок, который поражает ее, как громом: приехали! Аннушка тяжело бежит в переднюю, от волнения, она тоже сама не своя, - не может сразу отворить дверь...

Они - на этот раз два студента - приехали в огромной старозаветной наемной карете, запряженной двумя исполинскими клячами. Они тоже франты, и тоже без калош, и ноги у них тоже окаменели с морозу. В гостиной, как всегда, холод и скучно горят пахнущие керосином лампы. Они терпеливо сидят в одних мундирах, блестя зеркальными головами, благоухая фиксатуаром и бриллиантином, с большими бантами из белого атласа на груди, точно шафера. Они сидят молча, ждут вежливо и стойко, смотрят на запертые со всех сторон двери, на мерзлые стекла, мерцающие синими и красными огоньками, на рояль, на

портреты великих певцов и певиц по стенам, слушают глухой звон и гул трамваев за окнами, тревожные шаги Аннушки и самой артистки за дверями... И так проходит четверть часа, полчаса, сорок минут... как вдруг одна из дверей неожиданно распахивается. Они, как по команде, вскакивают с мест, а артистка быстро, с очаровательно-беспечной улыбкой, идет к ним навстречу:

- Ради бога, простите, господа, я, кажется, заставила вас ждать... Что, разве уже пора? Ну что же, едем, если угодно, я готова...

На скулах ее даже сквозь румяны и пудру горят багровые пятна, изо рта пахнет ландышевыми каплями, от рук кремом, от воздушного платья из дымчатого газа духами. Она похожа на Смерть, собравшуюся на бал. На ее сложную и высокую прическу на завитые и взбитые со всех сторон серые волосы накинута что-то черно- кружевное, испанское, на голые плечи с огромными ключицами - шубка из белой кудрявой козы... И студенты со всех ног кидаются за ней в прихожую. Тот, что худее и выше, хватает ее ботинки и, быстро став на одно колено, ловко надевает их на ее чер-

ные атласные туфельки с алмазными пряжками и слышит, как пахнет мышами из-под ее подмышек, когда она наклоняется, чтобы помочь ему, а вместе с тем и скромно одернуть подол на ее белые кружевные зубчики панталон...

Она пела и про тучу, которая с громом повстречалась, и про какое-то убежище, - "в убежище сюда направил нас господь", - и с особенным блеском: "Я б тебя поцеловала..." Критикан старичок, сидевший в первом ряду, едко при этом захихикал, закрутил головой - весьма недвусмысленно: покорно, мол, благодарю, пожалуйста, не целуй .. И все-таки остался в дураках: успех артистка имела колоссальный, ее без конца вызывали и заставляли бисировать - особенно чуткая молодежь, ставшая в проходах, кричавшая даже грозно и бившая в сложенные ковшиком ладони с страшной гулкостью.

1930